

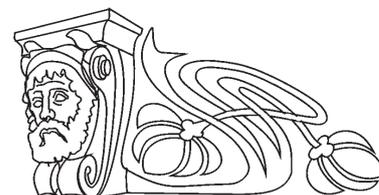

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 29–33
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 29–33
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-29-33>

Научная статья
УДК 130.2

Глобальное в дискурсе метамодернизма: проблема истоков

С. Н. Оводова

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Россия, 644077, г. Омск, пр. Мира, д. 55

Оводова Светлана Николаевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры теологии, философии и культурологии, snvodova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3408-1913>

Аннотация. В статье рассматривается представленность феномена глобального в дискурсах модерна и метамодерна. В отечественной рецепции метамодернизм часто мыслится вариантом постпостмодернизма. Существенное расхождение в оценках достаточно цельного явления современной философии культуры, каким является метамодернизм, может быть объяснено. Методологические установки метамодернизма все еще находятся в разработке. Теоретики метамодернизма продолжают поиски, установление взаимодействия между постиронией, аутентичностью, новой искренностью, глубиной, историчностью, аффектом, самостью, супергибридностью. В связи с этим анализ методологии метамодернизма возможен не только при изучении отдельных его установок, но в обращении к основаниям метамодернистского дискурса. Выделение ключевых моделей глобального в дискурсах модерна и постмодерна позволило нам оценить их представленность в метамодернистской программе. Для философии модерна характерно понимание глобального как идеи истории, вынесенной за ее пределы (Г. Гегель), как идеи, формирующейся в процессе истории (К. Маркс). Постмодернизм низводит данные модели до уровня симулякров. Постмодернистскому деконструктивизму свойственно различие локального. Метамодернизм в своей исследовательской практике совмещает дискурс глобального и локального, предлагая варианты возвращения истории в человеческую жизнь.

Ключевые слова: глобальное, локальное, философия модерна, метамодернизм, постмодернизм, новая искренность, историчность, исторический процесс

Благодарности: Исследование проводилось при поддержке гранта Президента РФ, проект МК-1512.2020.6 «Влияние эстетических и этических установок метамодернизма на современные философские концепции культуры».

Для цитирования: Оводова С. Н. Глобальное в дискурсе метамодернизма: проблема истоков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 29–33. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-29-33>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Global in the discourse of metamodernism: The problem of origins

S. N. Ovodova

Dostoevsky Omsk State University, 55 Mira Ave., Omsk 644077, Russia

Svetlana P. Ovodova, snvodova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3408-1913>

Abstract. The article examines the representation of the global phenomenon in the discourses of modernity and metamodernity. In the domestic reception, metamodernism is often represented as post-postmodernism. A significant discrepancy in assessments of a fairly integral phenomenon of modern philosophy of culture, which is metamodernism, can be explained. The methodological guidelines of metamodernism are still in development. Theorists of metamodernism continue their search, the establishment of interaction between postirony, authenticity, new sincerity, depth, historicity, affect, selfhood, and superhybridity. In this regard, the analysis of the methodology of metamodernism is possible not only by studying its individual attitudes, but by referring to the foundations of the metamodern discourse. Highlighting the key models of the global in the discourses of modernity and postmodernity allowed us to assess their representation in the metamodern program. The philosophy of modernity is characterized by the idea of the global as the idea of the history taken outside of it (G. Hegel), as the idea that is formed in the process of history (K. Marx). Postmodernism reduces these models to the level of simulacra. The distinction of the local is characteristic of postmodern deconstructivism. Metamodernism in its research practice combines the discourse of the global and the local, offering options for the return of history to human life.

Keywords: global, local, philosophy of modernity, metamodernism, postmodernism, new sincerity, historicity, historical process

Acknowledgements: The research was supported by the grant of the President of the Russian Federation, project MK-1512.2020.6 "Influence of aesthetic and ethical attitudes of metamodernism on modern philosophical concepts of culture".

For citation: Ovodova S. N. Global in the discourse of metamodernism: The problem of origins. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 29–33 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-29-33>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Дискурс метамодернизма представляет собой оперирование суммой взаимосвязанных понятий, которые предлагаются Р. ван ден Аккером и Т. Вермюленом, используются и разрабатываются в дальнейшем теоретиками метамодернизма. В 2010 г., когда Р. ван ден Аккер и Т. Вермюлен начинали комплексную работу по созданию теории метамодернизма, они отмечали, что метамодернизм скорее является структурой чувств, нежели философией, программой или концептом [1]. Необходимость появления новой структуры чувства предопределена возникновением феноменов культуры, которые не могут быть объяснены системой понятий постмодернизма.

Анализ метамодернистской системы свидетельствует об участии в ней нескольких взаимосвязанных методологических установок: осцилляции, постиронии, аутентичности, новой искренности, глубины, историчности, аффекта, самости, супергибридности. Представляется, что перечень активно действующих методологических составляющих метамодернизма еще не завершен. Однако метамодернизм обладает объяснительным потенциалом.

Отдельный феномен культуры, который подлежит рассмотрению в настоящем исследовании, – глобальное. Однако наша задача состоит не в фиксации данного феномена посредством метамодернистской методологии, а в изучении оснований метамодернизма. Учитывая, что тема глобального возвращается в метамодернистский дискурс после своей деконструкции и локализации постмодерном, представив теоретическое описание модернистских версий глобального, мы сможем судить об уровне преемственности указанных методологических подходов.

Любое исследование, обращенное к философии модерна, претендуя на легитимность в профессиональной среде, должно обозначить временные рамки и ключевые содержательные аспекты модерна. Как правило, одно невозможно без другого. Даже если историю философии считать историей философов, то отнесение той или иной персоналии к философии модерна должно быть аргументировано со стороны времени и высказанных идей. При установлении временных координат общим местом в работах по философии модерна является ссылка на выступление Юргена Хабермаса от 11 сентября 1980 г. по случаю присуждения премии Адорно в г. Франкфурте. «Тот, кто подобно Адорно датирует начало “модерна” приблизительно 1850 годом, смотрит на него глазами Бодлера и авангардистского искусства» [2, с. 8], – говорит Хабермас и далее рассуждает о предыстории понятия культурного модерна, не называя иных исторических дат. Стало принято

говорить о модерне как об особой эпохе от середины XIX в., когда промышленная цивилизация уверенно заявила о себе за пределами техники в изобразительном искусстве и литературе, ссылаясь или не ссылаясь на Хабермаса. Например, М. Д. Купарашвили, располагая модерн между 40-ми гг. XIX в. – 50-ми гг. XX в., утверждает что «началом современного взгляда на мир можно считать рождение марксизма» [3, с. 5–7].

История для К. Маркса и Ф. Энгельса – это «история классовой борьбы, борьбы между эксплуатируемыми и эксплуататорами, подчиненными и господствующими классами на различных ступенях общественного развития» [4, с. 13]. Самоосвобождение пролетариата, по мнению Маркса и Энгельса, будет сопровождаться освобождением всего общества от различных форм эксплуатации. Нации и национальные государства перестают быть носителями идеи глобального как пространственного модуса всеобщего (можно высказать предположение, что интернационализм Маркса вне- и даже антигосударственен, раз государство становится орудием в руках господствующего класса, оно, конечно, не может вместить всеобщее). В разных частях «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс именуют нацию, государство и право «суррогатами коллективности», «обособившимися от индивидов иллюзорными общностями», власть которых «может быть сломлена только посредством революции» [5, с. 77]. Если современный К. Марксу и Ф. Энгельсу господствующий общественный класс – буржуазия – национален или в некоторых формах своего взаимодействия транснационален, то рабочий класс лишен национальных черт, «духовно мертв», «оторван от культуры» [6, с. 355]. Место, занимаемое им в системе производственных отношений, отсекает его от суперсистемы национальной культуры, делает анонимным участником рынка труда.

Луи Альтюссер, анализируя творчество основоположников марксизма, отмечал, что пауперизация рабочего класса, ставя под угрозу исчезновения не только человеческое достоинство, но и человеческое естество самого многочисленного общественного класса, делает пролетарскую революцию неизбежной [7, с. 321].

Можно с уверенностью утверждать: пролетариат у Маркса еще не всеобщее, но он способен породить, если угодно, призвать в мир всеобщее, что еще предстоит. Вряд ли является случайностью, что большая часть работы Ж. Деррида, посвященная Марксу, построена на рецепции призрака коммунизма: «Но ведь Маркс возвещает и призывает некое грядущее присутствие. Он, по видимому, предсказывает и предписывает: то, что

пока фигурирует в идеологическом представлении старой Европы в качестве всего лишь призрака, должно в будущем стать наличной, т. е. живой, реальностью» [8, с. 150]. Столь яркий разрыв с предшествующей традицией, когда реальное объявляется подлежащим уничтожению, где пролетарии стирают предшествующее общество, дабы утвердить свое существование, а призрак будущего призывается к жизни, позволяет прийти к фиксации отношений глобального и локального в следующих маркерах: модернизации и мобилизации, проявляющихся в разрыве с прошлым (в «Немецкой идеологии» прямо высказывается мысль, что со всеми условиями, порожденными прежним производством и общением, следует обращаться как с неорганическими), интернациональности (для Маркса нет исторического и неисторического, в процесс общественного переустройства включено все человечество), обращенности в будущее (строй, создаваемый коммунизмом).

Глобальное здесь не готовая идея, вынесенная за пределы истории или составляющая ее тайный смысл. Глобальное формируется в процессе истории, но в наличных социально-экономических отношениях оно находится за пределами видимости, появляясь в качестве призрака коммунизма. Частота появлений призрака коммунизма создает «частоту некоей видимости» [8, с. 148], как говорит Деррида, вызывает общественное напряжение, ожидание неизбежного. Эта неизбежность состоит в грядущей отмене истории, что представляла собой область конкуренции или борьбы классов (на уровне сущности), наций, государств, законов и философских идей (на уровне явлений). Осознание неизбежности мировой революции становится делом философии, что согласно 11-му тезису о Фейербахе надлежит изменить мир, и делом пролетариата, выступающего силой, способной реализовать роль гегемона и отменить историю.

При таком видении ситуации избранная локальность оказывается способна не только удерживать проект глобального коммунистического общества в краткосрочной перспективе мировой революции, но и развивать его в ходе обновившейся истории в границах отдельной страны, группы стран (социалистического лагеря).

Исторические события конца XX в. показали утопичность этого мегапроекта. По крайней мере, С. Жижек и его соавторы с позиции сегодняшнего дня так оценили оптимизм Альтюссера: «Вопреки оптимизму марксистов XX в. (особенно 1960-х годов), мы утверждаем, что энергия развития не приведет к подъему рабочего класса или же уничтожению системы господства, определяющей основные черты современного мира, а потому ее результатом не станет неизбежный социализм

(сегодня это известно каждому)» [9, с. 16]. Тем не менее сформированный в марксистской философии тип взаимоотношения глобального и локального продолжает существовать вне конкретного исторического контекста.

Его специфика, кроме названных черт, состоит и в помещении глобального в пространство постистории, что еще подлежит освоению, и может восприниматься как проект, мобилирующий на свое освоение общественные ресурсы отдельных стран, продолжающих воспринимать коммунизм как стройку «века», а может прийти внезапно, когда проявит себя «скрытый субъект будущей революции» [9, с. 16] – классовая борьба, мировая революция, диктатура пролетариата – все это средства достижения цели, но не сама цель. Для данного типа принципиальна не вынесенность глобального за пределы истории (как внеисторичен и всегда равен себе разум просвещения, например, у Г. Гегеля), а после истории. Перед нами тесная, жесткая, но временная связь глобального и локального. Зато достигнутая в постистории всеобщая свобода будет вневременна, эта идея мотивировала советских людей прилагать сверхчеловеческие усилия на построение счастливого завтра, в котором счастливы будут следующие поколения, что дойдут, доживут, заглянут за конец истории...

Конечно, следует учитывать, что реакция Деррида – это реакция на марксизм со стороны постмодернизма. Но эсхатологичность возмущений о грядущем мировом рае для всех, а не только для пролетариев Деррида подмечена верно. Глобальное, что могло быть предъявлено «уже сейчас» строителям коммунизма, по сути оставалось призраком или, говоря языком постмодернистской философии, симулякрот глобального: стирание границ между умственным и физическим трудом, городом и деревней.

Для марксизма глобальный мир и единое для человечества будущее воплотимо, да, оно вынесено как цель во времени, но это реальная цель, к которой нужно стремиться. Деррида же уже исходит из характерного для постмодерна восприятия отсутствия цели, поэтому она и призрачна. Цель не просто недостижима, ее не существует. Постмодернизм деконструирует метанарративы модерна, разрушая, таким образом, и просветительские идеалы, и марксистский энтузиазм. Глобальная модерность видела будущее, которое может быть воплотимым, а постмодернизм разочаровывается в этом образе глобального будущего. Деконструируя и проблематизируя маргинальное, постмодернистский дискурс задается вопросом не только о возможности и необходимости будущего, но и о возможности и необходимости глобального.

Постмодернистские теоретики Ф. Джеймисон [10] и Д. Харви [11], будучи исследователями культуры марксистского толка, при создании и обосновании нового этапа в развитии культуры (постмодернизм) связывают его с поздним капитализмом. «Заякоренность» модернистских и постмодернистских исследователей на теме взаимосвязи экономических отношений, способах бытия человека в этих отношениях и изменений в культуре приводит нас к мысли о том, что для них глобальное воспринимается как единство по основанию всепроникающих рыночных отношений.

Метамодернизм, возникший как культурная теория в 2010 г. с публикации Р. ван ден Аккера и Т. Вермюлена [12], также обращен к теме глобального и будущего в этом глобальном. Воспринимаемая на тот момент метамодернизм как структура чувств, Вермюлен и ван ден Аккер в качестве его характеристики отмечают, что он проявляется в осцилляции между «энтузиазмом модернизма и постмодернистской насмешкой» [1]. Таким образом, метамодернизм признает в качестве своих оснований модерн и постмодерн, но осмысляет и сопрягает смыслы этих дискурсов по-иному. Это не выводит метамодернизм за пределы предопределенности глобальной повесткой и взглядом в будущее. Для метамодернизма крайне важным оказывается образ будущего, который они хотят вернуть.

Метамодернисты признают, что после постмодернизма невозможно конструировать однозначный образ будущего, в которое будут верить все. Однако они провозглашают усталость от постмодернистского цинизма, где разрушенные метанарративы и необходимость деконструирования привычных смыслов не давали возможность провозгласить устремленность в будущее. Сборник «Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма» начинается с переосмысления работы Ф. Фукуямы «Конец истории», после чего авторы приходят к мысли о том, что в начале нового тысячелетия мы фиксируем поворот Истории, она не завершена, а наоборот, становится ключевой темой для осмысления: «Новый толчок Истории получила благодаря последним мировым историческим кризисам экологического, экономического и геополитического характера» [13, с. 41]. В качестве ключевых точек, запустивших метамодернистскую рефлексию, по мнению Т. Вермюлена и Р. ван ден Аккера, как раз также являются события и проблемы глобального масштаба. По их мнению, постмодернизм уже перестал описывать современную культурную ситуацию, этот дискурс отстаёт и не ухватыва-

ет ключевые болевые точки. Вследствие этого метамодернизм как новый способ осмысления реальности позволит «облечь в язык концепций явления в сфере культуры и искусства, связанные с ощущением возврата Истории» [13, с. 43].

Глобальная модерность и постмодернизм переосмысливаются метамодернизмом как прошлое, включенное в свою историю. Метамодернизм не возникает как критический дискурс, отрешивающийся от предыдущих нарративов, он создает свой нарратив глобального будущего с опорой на существующие культурные логики модерна и постмодерна.

Список литературы

1. Вермюлен Т., ван ден Аккер Р. Заметки о метамодернизме // METAMODERN : журнал о метамодернизме. URL: <https://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernizm/> (дата обращения: 05.12.2021).
2. Хабермас Ю. Политические работы. М. : Праксис, 2005. 368 с.
3. Купарашвили М. Д. Лекции по современной философии. Модернизм : учебное пособие. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 336 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. М. : Госполитиздат, 1950. 72 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 30 т. / 2-е изд. Т. 3: 1845–1847 гг. М. : Госполитиздат, 1955. С. 7–544.
6. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 30 т. / 2-е изд. Т. 2: Сентябрь 1844 – февраль 1846 гг. М. : Госполитиздат, 1955. С. 231–517.
7. Альтюссер Л. За Маркса / пер. с фр. А. В. Денежкина. М. : Праксис, 2006. 392 с.
8. Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал / пер. с фр. Б. Скуратова ; под общ. ред. Д. Новикова. М. : Logos-altera ; Esse homo, 2006. 256 с.
9. Жижек С., Руда Ф., Хамза А. Читать Маркса / пер. с англ. Д. Кралечкина ; под науч. ред. С. Щукиной. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 176 с.
10. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М. : Издательство института Гайдара, 2019. 816 с.
11. Харви Д. Состояние постмодерна. Исследование истоков культурных изменений. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. 576 с.
12. Vermeulen T., R. van den Akker. Notes on Metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture. 2010. Vol. 2. P. 1–14.
13. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / под ред. Р. ван ден Аккера, Э. Гибсон, Т. Вермюлена. М. : РИПОЛ классик, 2019. 494 с.

References

1. Vermyulen T., van den Akker R. Zametki o metamodernizme (Notes on Metamodernism). *METAMODERN: Journal of metamodernism*. Available at: <https://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernizm/> (accessed 5 December 2021) (in Russian).
2. Khabermas Yu. *Politicheskie raboty* [Political Works]. Moscow, Praksis Publ., 2005. 368 p. (in Russian).
3. Kuparashvili M. D. *Lektsii po sovremennoy filosofii. Modernizm* [Lectures on Contemporary Philosophy. Modernism]. Moscow, Knizhnyi Dom "LIBROKOM" Publ., 2013. 336 p. (in Russian).
4. Marks K., Engel's F. *Manifest kommunisticheskoy partii* [Manifesto of the Communist Party]. Moscow, Gospolitizdat, 1950. 72 p. (in Russian).
5. Marks K., Engel's F. German ideology. In: Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [The Works: in 30 vols.]. Vol. 3: 1845–1847 gg. Moscow, Gospolitizdat, 1955, pp. 7–544 (in Russian).
6. Engel's F. The position of the working class in England. In: Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [The Works: in 30 vols.]. Vol. 2: September 1844 – February 1846. Moscow, Gospolitizdat, 1955, pp. 231–517 (in Russian).
7. Al'tyusser L. *Za Marksa* [For Marx]. Moscow, Praksis Publ., 2006. 392 p. (in Russian).
8. Derrida Zh. *Prizraki Marksa. Gosudarstvo dolga, rabota skorbi i novyy internatsional* [D. Novikov, ed. Ghosts of Marx. The State of Duty, the Work of Sorrow and the New International. Transl. from French B. Skuratov]. Moscow, Logos-altera Publ., Esse homo Publ., 2006. 256 p. (in Russian).
9. Zhizhek S., Ruda F., Khamza A. *Chitat' Marksa* [To Read Marx. Transl. from English D. Krachchkin; ed. S. Schukina]. Moscow, Higher School of Economics Publishing House, 2019. 176 p. (in Russian).
10. Dzheymison F. *Postmodernizm, ili Kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma* [Postmodernism, or the Cultural Logic of the Late Capitalism]. Moscow, Izdatel'stvo Gaidar Institute, 2019. 816 p. (in Russian).
11. Kharvi D. *Sostoyanie postmoderna. Issledovanie istokov kul'turnykh izmeneniy* [Postmodern State. Exploring the Origins of Cultural Change]. Moscow, Higher School of Economics Publishing House, 2021. 576 p. (in Russian).
12. Vermeulen T., van den Akker R. Notes on Metamodernism. *Journal of Aesthetics & Culture*, 2010, vol. 2, pp. 1–14.
13. *Metamodernizm. Istorichnost', affekt i glubina posle postmodernizma*. Eds. R. van den Akker, E. Gibson, T. Vermeulen [van den Akker R., Gibson E., Vermeulen T., eds. Metamodernism: Historicity, Affect and Depth after Postmodernism]. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2019. 494 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 08.12.2021; одобрена после рецензирования 12.12.2021; принята к публикации 20.12.2021
The article was submitted 08.12.2021; approved after reviewing 12.12.2021; accepted for publication 20.12.2021